

Т. В. Андреева

Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике

Проблема организации управления государством в начале царствования Николая I являлась одной из главных. Неординарные обстоятельства восшествия на престол оказали определяющее воздействие на его выбор стратегических приоритетов и тактических установок государственной политики. Паралич власти в период междуцарствия и день 14 декабря актуализировали важнейшую стратегическую цель — укрепление российской государственности. Тактическим средством ее достижения виделся новый тип абсолютизма, сочетающий сильную авторитарную власть монарха с усовершенствованной системой государственного управления и фундаментальным, кодифицированным законодательством.

Николаевская модель преобразовательной политики, являя собой логическое продолжение официального реформаторства второй половины XVIII — первой четверти XIX в., имела как схожие с ним, так и отличительные черты. Явное объединяющее начало в постановке вопроса о законодательной реформе и связанных с ней институциональных преобразованиях свидетельствует о наличии некоторых элементов долгосрочной общегосударственной программы. В настоящей статье ставятся следующие задачи: выявить причины

актуализации административных реформ в начале николаевского царствования; рассмотреть основные принципы практических мероприятий и реформаторских поисков власти в сфере управления высшего и центрального уровня; определить преемственные и отличительные черты в преобразовательной политике Николая I и предыдущих царствований.

Стратегический «выбор» Николая I был обусловлен не только объективной необходимостью утверждения твердых законодательных и административных основ государственного строя, но и осмыслением следственных показаний, писем и записок на Высочайшее имя видных членов политической конспирации¹, представителей просвещенного дворянства и чиновничества², а также первых донесений руководителей III Отделения. В целом все эти материалы давали картину всеобщего ожидания перемен и реформ. «Число реформаторов <...> всё увеличивается, — подчеркивал М. Я. Фок летом 1826 г. — Все уверены, что внимание правительства будет обращено на “преобразования без потрясений”, прежде всего “на исправление системы внутреннего управления”»³. Доминирующим было общее убеждение, что наиболее адекватной российским условиям и устойчивой формой правления является абсолютизм⁴, принципы которого не ставились под сомнение. Петербургские события декабря 1825 г. еще более утвердили в общественном мнении идею, что только «единодержавный, сильный монарх может остановить гидру революции и объединить нацию»⁵. Разногласия касались только тактики проведения реформ. «Благонамеренные» полагали, что преобразования должны совершаться постепенно, без решительных мер. «Недовольные» считали, что следует «действовать круто», что «все предосторожности и отсрочки в преобразовании управления только повредят», а потому на правительстве лежит «тройная обязанность — исправлять, управлять и подготавливать материал для будущего»⁶.

Причины актуализации преобразований в государственном управлении в 1826 — начале 1830-х гг.

В начале царствования Николая I реформа управления приобрела общественно-политическое и государственное значение. Во-первых, следовало укрепить административную систему абсолютизма, ослабленную династическим и политическим кризисом конца 1825 — начала 1826 г. Это достигалось модернизацией управления высшего, центрального и местного уровня, начатой еще Екатериной II, продолженной Павлом I и Александром I⁷. Причем модель преобразований, характерная для «заката» александровского царствования, предполагала постепенное реформирование и дополнение действующих институтов структурами, способными, «установить законность и обеспечить порядок на местах» и «выступить противовесами министерствам, наделенным слишком большой властью»⁸. В обстановке социально-политической нестабильности

в Европе и угрозы ее перенесения в Россию Александр I не считал целесообразным использование «реформистской хирургии».

Во-вторых, тот факт, что два важнейших проекта Комиссии составления законов — Гражданского уложения, подготовленного М. М. Сперанским, и «Систематического свода существующих законов Российской империи», составленного Г. А. Розенкампом и включавшего «постановления о разных частях управления, находящихся под ведомством министерств», не были реализованы до конца⁹, обусловил уже в последние годы правления Александра I ослабление управленческих возможностей правительственного аппарата, что стало причиной усиления злоупотреблений и коррупции в чиновничьей среде. Об этом Николаю I во всеподданнейших письмах и записках писали видные члены политической конспирации. Они подчеркивали, что «несовершенства законодательной <...> и исполнительной власти в России» делали нестабильным правительственный курс, затрудняли управление местного и центрального уровня, способствовали беззаконию, злоупотреблениям и «самоуправлению», приводившим к тяжелому социально-экономическому положению всех состояний и сословий. По их мнению, проведенные по европейским образцам административные преобразования, не соответствовавшие уровню развития «нации», превратили чиновничество в особую, замкнутую, стоящую над обществом корпорацию¹⁰.

В-третьих, стремление к предотвращению перерастания социальной активности в антиправительственные действия заставляли Николая I обратиться к формированию новой модели взаимоотношений верховной власти и дворянского общества. Являясь тактическим средством укрепления российской государственности, эта модель включала идеологическую и законодательную базы, которыми должны были стать новая государственная идеология «Православия, Самодержавия, Народности» и кодифицированное законодательство, а также усовершенствованное государственное управление, определявшее административную практику¹¹.

В-четвертых, важность сохранения международного авторитета России требовала создания стабильной административной системы. Задачи внедрения доктрины национальной самобытности и утверждения представлений о России как стране, благоденствующей под самодержавным скипетром и не имеющей почвы для революционных выступлений, обусловили не только демпфирование Николаем I мифологемы «всеевропейского заговора революционеров», но и модернизацию управления¹².

С административными преобразованиями связывалось решение следующих задач: формирование структуры государственных органов с законодательно закрепленным статусом и четким разграничением функций; создание единой системы ведомств высшего, центрального и местного управления с координирующим и контролирующим их деятельность центром; оптимизация управленческой практики. Николай I понимал реформы как компромисс между прошлым и будущим, а не уничтожение первого во имя второго. Поэтому в ос-

нову реформаторского процесса был положен принцип последнего периода александровского царствования — не замены или учреждения новых, а совершенствования и дополнения существующих институтов власти. С наибольшей наглядностью это нашло отражение в реорганизации Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Реорганизация Собственной Его Императорского Величества Канцелярии

«Государева Канцелярия» появилась еще в павловское царствование. Посредством ее Павел I наблюдал за исполнением законов, контролировал и координировал деятельность департаментов во главе с министрами¹³. Генерал-прокурор и управляющий Канцелярией Д. П. Трошинский «были единственными каналами, через которые Высочайшая власть нисходила на все части государственного управления»¹⁴. При Александре I 7 декабря 1812 г. она приобрела официальное название «Собственная Его Императорского Величества Канцелярия» (СЕИВК) и расширила свои функции. Новый импульс ее деятельности был дан экстремальными условиями войны с наполеоновской Францией. Возглавляемая А. А. Аракчеевым Канцелярия в обстоятельствах военного времени занимала всё более важные позиции, вначале только в системе военного управления, но с 1816 г. растущее число проходивших через нее дел относилось к различным гражданским вопросам. В 1818 г. был издан нормативный документ, очерчивающий структуру и круг полномочий данного ведомства. Согласно «Образованию Собственной Его Величества Канцелярии», она делилась на три Отделения: I Отделение назначалось связующим звеном между императором и начальником Главного штаба, II вело переписку с членами Императорского дома, подтверждая свой исключительный статус в системе управления, III Отделение выполняло роль «мозгового центра» армии, разрабатывая проекты новых военных уставов и положений¹⁵.

Однако в условиях абсолютистской системы управления, при которой верховной инстанцией при решении всех дел являлся монарх, всё острее ощущалась необходимость обеспечить эффективность его власти, потребность в общем управленческом, координирующем и контролирующем деятельность государственной машины в целом центре. Это нашло отражение во всеподданнейших записках государственных деятелей второй половины 1810-х гг., обусловило внимание Александра I к данному вопросу и создало условия для формирования новой модели управления. Ее отличало усиление надзора за деятельностью административного аппарата со стороны самого императора. Александр I для реализации своей власти и установления данного надзора избрал не Комитет министров, Государственный совет или Сенат, а свою Канцелярию, которая состояла из доверенных и близких ему государственных деятелей и преданных чиновников.

Так СЕИВК не только становилась гибким и действенным инструментом осуществления личной императорской власти, прежде всего в сфере внутренней политики, но и получила статус общегосударственного органа, в котором сосредоточивались функции всех частей управления. Руководство государственными делами постепенно сосредотачивалось в руках самого Александра I¹⁶.

В начале царствования Николая I ситуация властной абулии ноября–декабря 1825 г. способствовала дальнейшему развитию, как концептуальной идеи единого управленческого центра и усиления роли Императорской Канцелярии, так и обеих моделей последнего периода александровского правления. Династический и политический кризис и попытка государственного переворота укрепили в формирующейся административной идеологии и практике модель управления, базирующуюся на принципе единоначалия и опоры на доверенных лиц. Свидетельством тому служит тот факт, что СЕИВК как бюрократическое обеспечение власти самодержца, являвшегося вершиной управленческой вертикали, находилась под непосредственным руководством самого Николая I. При нем Императорская Канцелярия имела наибольшее влияние, функционировала как высший правительственный орган, не только осуществлявший связь императора с государственными учреждениями, но и имевший важные управленческие функции. Многообразие этих функций обусловило усложнение структуры СЕИВК. Рескриптом от 31 января 1826 г. на имя председателя Государственного совета и Комиссии составления законов кн. П. В. Лопухина она была разделена на I и II Отделения. Во главе I Отделения в качестве главноуправляющего СЕИВК был поставлен Н. Н. Муравьев, которого в 1831 г. сменил А. С. Танеев, а II — М. М. Сперанский¹⁷. 3 июля 1826 г. создано III Отделение во главе с А. Х. Бенкендорфом¹⁸. После кончины вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 26 октября 1828 г. учреждено IV Отделение во главе с ее бывшим личным секретарем Г. И. Вилламовым, куда был передан надзор за состоявшими под ее покровительством благотворительными и учебными заведениями. 29 апреля 1836 г. создано V Отделение (временное, просуществовавшее до 1856 г.) во главе с П. Д. Киселевым, на которое была возложена подготовка реформы государственных крестьян, а 30 августа 1842 г. — VI (временное) Отделение для разработки законодательных норм по устройству Закавказского края, прекратившее свое существование в 1845 г. с учреждением Кавказского наместничества.

Что касается постоянных отделений, то в I Отделении сохранялись «классические» функции Императорской Канцелярии — соединение всех частей и уровней управления с верховной властью; осуществление общего контроля над деятельностью правительственных учреждений и их отчетностью перед императором; наблюдение за соблюдением законности и производством дел, стекающихся непосредственно к монарху. С 1827 г. на Отделение было возложено также руководство организацией гражданской службы в России, при нем продолжал функционировать созданный в 1823 г. Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников¹⁹.

II Отделение СЕИВК являлось высшим кодификационным учреждением российского законодательства. Оно стало преемником упраздненной в 1826 г. Комиссии составления законов, его деятельность была направлена на проведение законодательной реформы в контексте усовершенствования государственного управления. Его формальным руководителем был поставлен учитель Николая Павловича — первый ректор Санкт-Петербургского университета М. А. Балугьянский, но реальным главой стал М. М. Сперанский. Для него взаимосвязь административных преобразований и законодательной деятельности правительства была очевидна. По мнению Сперанского, именно задачи совершенствования государственного управления требовали создания «Свода законов Российской империи». На заседании 22 декабря 1826 г. Комитета 6 декабря 1826 года он подчеркивал, что для проведения преобразовательных мероприятий в административной сфере необходимо «иметь Свод законов о сих установлениях» и предложил поручить ему это дело. Император и члены Комитета поддержали его намерения²⁰.

В начале царствования Николая I реформа законодательства приобрела общественное и государственное значение, что обуславливалось несколькими причинами. Во-первых, необходимостью заложить юридическое основание российской самодержавной государственности, а также важностью решения административно-управленческих задач²¹. Во-вторых, законодательной нерешенностью проблемы престолонаследия, спровоцировавшей самовластный произвол членов Императорского дома в период междуцарствия и поколебавшей в дворянском общественном сознании идею о позитивности абсолютизма. В-третьих, использованием радикальным руководством «Тайного общества» декабристов вакуума власти. Не только вожди движения видели в событиях на Сенатской площади во многом «публичный протест против неподобающего навязывания народу двух присяг — последовательных и противоречивых; против обращения с нацией как с семейной собственностью»²², но и представители образованных кругов столичного и провинциального дворянства, некоторые государственные деятели и даже члены императорской семьи осознавали взаимосвязь «мятежа» и незаконных действий царствующей династии в период междуцарствия, приведших к династическому кризису, а по сути кризису государственной власти²³. В-четвертых, всё более явным конфликтом между не основанным на фундаментальном законодательстве «самодержавством» и стремившейся к законности даже в рамках абсолютизма просвещенной частью дворянства. Единственной силой, способной ее утвердить (тем самым предотвратить, как революцию, так и деспотизм), стать гарантией социально-политической стабильности и соблюдения, условно говоря, «национальных интересов», а также регулятором взаимоотношений между состояниями и условиями виделась власть абсолютного монарха. Важнейшим механизмом ее осуществления определялись «вечные», «коренные» законы, установленные государем и обеспеченные его «доброй волей» их соблюдать²⁴.

Всё это продемонстрировало Николаю I крайнюю опасность отсутствия прочных законодательных основ государственного и общественного строя империи. В результате формула «законности», официально признанная в конце XVIII в. и получившая развитие при Александре I, была актуализирована и юридически закреплена при Николае I. С той лишь разницей, что для реализации «реформаторской программы» Екатерина II взяла на вооружение концепцию «просвещенного абсолютизма», Александр I использовал правительственный конституционализм, а Николай I проводил политику самодержавия как российской формы абсолютизма.

Уже в 1826 г. II Отделение СЕИВК приступило к форсированному созданию «Полного собрания законов Российской империи» (1830) и «Свода законов Российской империи» (1832)²⁵. При этом «Свод» был составлен по отраслевому принципу и систематизирован на основе римского права, т.е. путем деления на публичное и частное. В силу этого он прежде всего законодательно закреплял «права самодержавной верховной власти»²⁶. Первая статья его первого раздела под названием «Священные права и преимущества верховной самодержавной власти» гласила: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих <...> Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный»²⁷. В своей теоретической работе «Руководство к познанию законов», написанной на основе «юридических бесед» с наследником Александром Николаевичем в 1834–1838 гг. и изданной в 1845 г., М. М. Сперанский, проанализировав юридические проблемы формирования самодержавного государственного строя, основанного на законе, писал: «Титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти, как то: от сейма или внутреннего какого-либо установления, независимую». По его мнению, самодержавная система делится внутри себя на власть политическую и административную: «В законах власть верховная действует в порядке законодательном, а в повелениях она действует в порядке верховного правления»²⁸.

Следует признать, что николаевское фундаментальное законодательство полностью находилось в рамках авторитарной системы. При этом «Свод» олицетворял движение от «феодалного абсолютизма»²⁹ к абсолютной «законной монархии» Нового времени, основанной на фундаментальном кодифицированном законодательстве. «Свод» утверждал «правопорядок», при котором словесная структура империи, правовой статус сословий, а также деятельность органов управления регламентировались и обеспечивались исходящими от самодержавного монарха государственными законами³⁰. Об этом свидетельствует включение в состав «Свода» гражданских законов (т. IX–X), которые стали источником права и впервые предоставили государственным органам систему действующих норм. Хотя в царствование Николая I «нормы гражданского права оставались в значительной степени некодифицированными»³¹, введение в жизнь ПСЗ и «Свода» свидетельствовало о том, что российское законодатель-

ство при доминировании феодальных законодательных норм постепенно приобретало некоторые черты нового, буржуазного права. Речь идет об общих для континентальной правовой системы принципах — единства закона и унификации, т.е. установления единого для всей страны законодательства, регламентации уголовных правоотношений и в некоторой степени гражданских³². Об этом свидетельствует и появление в ПСЗ законодательных норм, относящихся к совершенно новым для России видам права — трудовому и социальному законодательству³³. Позже необходимость отдельного уложения гражданских законов и неудовлетворительность проекта Гражданского уложения при Александре I подтолкнули Николая I к созданию нового проекта. Уже в 1833 г. II Отделению была поручена кодификация гражданского законодательства, а в 1844 г. учрежден Комитет «для подготовки проекта Гражданского Уложения в Империи»³⁴.

III Отделению СЕИВК принадлежала особая роль в процессе оформления новой модели взаимоотношений верховной власти и дворянского общества. В марте 1826 г. А. Х. Бенкендорф подал Николаю I всеподданнейшее письмо с приложенной к нему запиской, в которой был представлен «Проект об устройстве высшей полиции». Необходимость ее учреждения автор видел в неутешительных итогах деятельности полицейских структур в царствование Александра I. Главной идеей проекта было создание центрального полицейского органа, исполнявшего функции политической и административно-исполнительной полиции и объединявшего две существовавшие до того самостоятельные структуры — полицию и жандармерию³⁵. Еще дореволюционные и советские историки подчеркивали идейную связь плана создания «высшей полиции» в России, нашедшего отражение в «Русской Правде» П. И. Пестеля и проекте Бенкендорфа³⁶. О том, что политическая конспирация имела программные документы, стало известно из всеподданнейшего письма капитана Вятского пехотного полка А. И. Майборода. Датированное 25 ноября 1825 г., оно было получено И. И. Дибичем 1 декабря, т.е. уже после смерти Александра I. После ареста П. И. Пестеля в Тульчине 13 декабря того же года у него был произведен обыск, не давший ожидаемых результатов — «Русской Правды» там не было обнаружено. И только 13 февраля 1826 г. его бумаги, в том числе «Русская Правда», были выявлены и доставлены в Следственный комитет. Нераспечатанными их представили Николаю I, который, прежде всего прочитав программный документ своих оппонентов, передал его Бенкендорфу³⁷.

Хотя сама мысль об учреждении «высшей полиции» «витала в воздухе» еще с царствования Александра I, почти дословное совпадение в текстах обоих проектов (Пестеля и Бенкендорфа) ее властных полномочий, двойной структуры, необходимости не столько силового, сколько морального авторитета как самого ведомства, так и его руководителя («чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника»)³⁸, подтверждает факт использования Бенкендорфом идей проекта Пестеля. Однако это не было простой компиляцией, а скорее являлось следствием идейного влияния на верховную власть и правительственные сферы отдельных положений

программных документов левого крыла декабристов, находившегося под влиянием французского «якобинства»³⁹. «Якобинская» модель в руках декабристов и их победителей наполнялась различным содержанием. Если для Пестеля главной детерминантой создания прообраза «Комитета общественной безопасности» выступала опасность справа, т.е. угроза контрреволюции, то для Бенкендорфа — слева, т.е. революции. Пестель в целях безопасности и соблюдения видимости «благочиния» облакал деятельность политической полиции и ее агентов в тайные, секретные формы, чтобы эти люди были уверены, «что их лица и добрые имена в совершенной находятся безопасности»⁴⁰. Бенкендорф же, надо думать, выражая точку зрения Николая I и считая важнейшими задачами политического сыска предупреждение правонарушений и социальных конфликтов, воспитание законопослушных, «добродетельных» граждан, создание условий для повышения авторитета государственной власти, гармонизации ее взаимоотношений с обществом — наоборот, предлагал открытость и гласность ее деятельности. «Тайная полиция почти немислима, — писал он, — честные люди боятся ее, а бесчестные легко осваиваются с нею». «Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления. Но всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги: первая внушает честным людям безопасность, вторая же пугает их и удаляет от престола», — продолжал Бенкендорф, предостерегая, что «тайные агенты нередко служат шпионами и против правительства»⁴¹.

Вопрос о целях создания, задачах деятельности и функциях III Отделения не раз ставился в исторической литературе. Сам А. Х. Бенкендорф о целях его учреждения и сферах компетенции писал: «Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления и убедился в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который стекался бы в одно средоточие. Император создавал орган, при помощи которого он мог бы непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов, но и за действием всей сложной административной машины»⁴². Поэтому, хотя главной функцией III Отделения определялся «тайный надзор за настроениями общественного мнения и народного духа», важнейшими сферами его компетенции оказывались — сбор общественных преобразовательных «наработок» для подготовки официальных реформаторских мероприятий и борьба со злоупотреблениями и коррупцией в чиновничьей среде.

После рескрипта Николая I управляющему Министерством внутренних дел В. С. Ланскому от 30 сентября 1827 г., III Отделение, как и другие правительственные учреждения, было обязано предоставлять на Высочайшее рассмотрение отчеты о своей работе. Типологически являвшиеся разновидностью делопроизводственной документации, они имели специфические черты. Кроме собственно ежегодных отчетов о деятельности Отделения и Корпуса жандармов, они завершались «нравственно-политическими обозрениями», включавшими обобщающую характеристику политического и социально-экономического

положения в стране, обзор «расположения умов», оценку «публикой» работы министерств и ведомств, а также деятельности отдельных сановников. В их основе лежали доклады министров и губернаторов, донесения жандармских генералов, штаб-офицеров и чиновников Отделения с мест, агентурные сведения и «аналитические» записки тайных агентов. Главная цель отчетов состояла в том, чтобы довести до сведения монарха положение дел в государстве и наметить программу правительственных мероприятий. Составлялись отчеты вначале совместно М. Я. фон Фоком и А. Х. Бенкендорфом, а после смерти первого только начальником III Отделения и шефом жандармов. Ценность отчетов III Отделения состоит в том, что они не только отражали идеологические приоритеты и практические установки формирующейся новой модели взаимоотношений верховной власти и общества, но являлись собранием преобразовательных проектов, прежде всего касающихся государственного управления. Данные материалы также проявляли веру общества в нереализованные преобразовательные возможности Николая I: «Вся Россия ждет с нетерпением перемен, как в системе, так и людях. Самые благонамеренные люди изнывают в ожидании и не перестают повторять: “Если этот Государь не преобразует России, никто не остановит ее падения! Российскому императору нужны только ум, твердость и воля, а наш Государь обладает этими качествами во всей полноте”»⁴³.

Надежды на реформаторские резервы абсолютизма находили «подпитку» и в развернутой Николаем I с самого вступления на престол борьбе с коррупцией в бюрократической среде, в авангарде которой было поставлено III Отделение. Важнейшими задачами его деятельности стали: усиление контроля над государственным управлением, прежде всего местного уровня, уничтожение злоупотреблений чиновников, ужесточение надзора за исполнением законов. Стремясь выявить пределы злоупотреблений и остановить сползание к неуправляемым процессам, Николай I попытался прибегнуть к старым и испытанным мерам — ревизиям, прежде всего обер-прокурорским и I Отделения СЕИВК. Уже весной 1826 г. одна из них, проведенная I Отделением в нескольких центральных губерниях России, выявила такие факты чудовищных злоупотреблений и казнокрадства коронных чиновников в государственной деревне, что борьба с коррумпированностью бюрократии стала важнейшей задачей государственной политики. «Подавить происки бюрократии» — важнейшая задача III Отделения, — так считали его руководители. Об этом свидетельствует переписка Бенкендорфа и фон Фока, относящаяся к сентябрю 1826 г. Соглашаясь с общественным мнением, зафиксированным в отчете III Отделения, что «бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом», Фок писал 23 сентября того же года своему шефу, находящемуся на коронационных торжествах в Москве: «В противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманых намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры — она ненасытна; это пропасть, становящаяся всё шире по мере того, как

прибывают бросаемые в нее жертвы <...> Начатые с этой целью преследования настолько же полезны, насколько необходимы; в этом все согласны». Хотя руководители Отделения осознавали, что борьба с злоупотреблениями бюрократии дело весьма трудное, поскольку «чем дальше продвигаешься вперед, тем больше встречаешь виновных, так, что вследствие одной уж многочисленности их, они останутся безнаказанными»⁴⁴, но считали важным начать этот процесс.

Борьба ведомства А. Х. Бенкендорфа с «бюрократической гидрой» вызывала недовольство чиновничьей среды, а поощрение доноительства и перлюстрация писем — негодование просвещенного общества. Однако негативная оценка, данная современниками и потомками деятельности III Отделения, не отражала стратегических задач, стоявших перед ним и направленных на восстановление живой связи между верховной властью и дворянским обществом, профилактику социальных конфликтов, оздоровление общественной среды. Как полагал один из первых публикаторов отчетов III Отделения А. А. Сергеев, «в системе феодально-крепостнического самодержавия Николая I оно заполняло собой отсутствие представительных учреждений, являлось центральным органом политического сыска и верховным органом надзора за всем аппаратом исполнительной власти, начиная с министерств»⁴⁵.

Министерство Императорского двора и уделов

Создание в день коронации Николая I 22 августа 1826 г. Министерства императорского двора и уделов имело целью не только объединение «всех частей придворного управления» в одно учреждение, но и законодательное закрепление их административного статуса. Сложность и многообразие придворных ведомств, часто менявшиеся обязанности и неустойчивая система подчинения, приводившие к проволочкам в исполнении дел и злоупотреблениям, были очевидны уже к концу царствования Александра I, который хотел объединить их под единым управлением во главе с бывшим начальником Главного штаба кн. П. М. Волконским. Однако это было реализовано Николаем I. Император полагал, что главной задачей нового министерства должна стать демонстрация политического авторитета монарха и Императорского дома. В этой ситуации решение Николая I поручить одному из наиболее популярных сановников предыдущего царствования возглавить новое министерство было вполне логично и обоснованно. По этому поводу Фок писал Бенкендорфу: «Учреждение Министерства Императорского двора возбуждает много толков. Уверяют, что другие министры будут завидовать объему власти, предоставленной новому министру; но что, всё же, это полезная мера, так как сосредотачивает власть и упрощает управление. Выбор князя П. М. Волконского всеми одобряется, ввиду того уважения и той прекрасной репутации, которыми он, вполне справедливо, пользуется»⁴⁶. Действительно, первый министр Императорского двора и уделов и управляю-

щий Кабинетом ЕИВ, отличавшийся твердостью характера, беспристрастием, особой бережливостью, трудолюбием и педантичностью, по словам М. А. Корфа, был «человек дела и практики» и «скупым не на свои, а на царские деньги»⁴⁷. Возглавляя придворное ведомство с 1826 по 1852 г., Волконский сформировал упрощенную структуру Двора, постоянно стремился сокращать расходы на его содержание и штаты, увеличивать доходность удельного хозяйства.

Само же Министерство Императорского двора и уделов, имевшее разнообразные сферы деятельности — управление удельными имениями, заводами, императорскими театрами, проектирование и строительство великокняжеских резиденций, руководство Академией художеств и археологическими раскопками, устройство быта, официальных приемов и праздников при Дворе и т.д.⁴⁸ — приобрело обособленное положение в системе государственной власти. Оно не обладало в полном объеме общегосударственными функциями и политическим влиянием и было неподотчетно высшим государственным учреждениям Российской империи — Государственному совету, Сенату, Комитету министров. При этом особое положение министра определялось не его исключительными административными полномочиями (они не превышали полномочия других министров), а доверительной близостью к Николаю I и всей императорской семье. Во многом это было обусловлено многообразием и самостоятельностью структур, вошедших в Министерство двора. Помимо Кабинета Его Императорского Величества и Придворной конторы, в функции которой входило содержание императорских дворцов и парков в Санкт-Петербурге, снабжение продовольствием императорской семьи и организация придворных церемоний, в него вошли Гоф-Интендантская, Конюшенная и Егермейстерская конторы.

В министерство был также включен Департамент уделов, возникший 5 апреля 1797 г. согласно «Учреждению об Императорской фамилии» как самостоятельное подразделение в административной системе империи. Департамент явился первым учреждением в истории России, возглавляемым министром — генерал-прокурором кн. А. Б. Куракиным. Однако его устройство носило коллегиальный характер, хотя роль самого министра, которым с 1806 г. стал Д. А. Гурьев, сочетавший с 1810 г. данный пост с руководством Министерством финансов, была повышена. В функции Департамента входило обеспечение содержания членов царствующего дома (за исключением самого монарха и его семьи) доходами с удельных земель и управление удельными крестьянами. Войдя в состав Министерства двора, Департамент сохранил свою самостоятельность. Первый год царствования Николая I временным управляющим Департамента был кн. А. Н. Голицын, с 11 апреля 1828 г. его возглавлял Л. А. Перовский, ставший вице-президентом Департамента, а с 6 декабря 1840 г. — товарищем министра Императорского двора и уделов, т.е. П. М. Волконского. В годы своего руководства Перовский осуществил серьезные преобразования в удельном ведомстве. Между тем, с самого начала царствования Николая I преобразовательные поиски власти касались в целом системы государственного управления в России.

Поиск путей усовершенствования системы государственного управления в Комитете 6 декабря 1826 года

Николай I в качестве преобразовательного инструмента избрал модель особых государственных учреждений при Государственном совете — временных высших секретных комитетов. Первым из них был Комитет 6 декабря 1826 года. Разработка идеологической концепции деятельности Комитета была поручена М. М. Сперанскому. Это нашло отражение во всеподданнейшей записке от 15 ноября 1826 г., написанной им по повелению Николая I. В ней подчеркивалось, что в основе работы Комитета лежит идея «пересмотра государственного устройства и управления» и подготовки «заклучения о необходимых в этом отношении преобразованиях»⁴⁹. Комитет, имевший второе название — «Комитет для рассмотрения разных предположений касательно улучшения в государственном устройстве», — должен был подготовить «программу» системного реформирования администрации высшего, центрального и местного уровней.

Основные предметы, тактику и «технология» деятельности Комитета определил В. П. Кочубей как его будущий председатель. В докладной записке Николаю I от ноября 1826 г. он указывал: «Постоянная цель Комитета долженствует непрестанно состоять в том, чтоб уничтожить разные беспорядки, улучшить те части, кои требуют могут исправления, и всеми средствами стараться, чтоб меры, им предлагаемые, соответствовали благотворным видам Вашего Величества и утвердили в подданных Ваших чувства глубокой признательности, коих непременно ожидать должно от попечений, на благо их Вашим Величеством обрацаемых»⁵⁰. Кочубей предлагал следующую тактику работы Комитета. Следовало разделить все проекты по проблемному принципу («по материалам») и рассматривать по мере того, как данная проблема или вопрос будет обсуждаться. При этом необходимо было выяснить, есть ли недостатки в «изданных положениях», насколько они соответствовали задуманным мерам, нужна и полезна ли их реализация. Прежде всего, следовало обратить внимание на усовершенствование Государственного совета, Сената и Комитета министров, выявить «неудобства и недостатки губернского управления» и систему округов, а затем перейти к изучению различных аспектов правительственной деятельности, относящихся к финансовым вопросам, положению в паспортной системе империи и т.д. Сама же «технология» работы Комитета сводилась к составлению каждым его членом «обстоятельных записок» по обсуждаемым проблемам с историей вопроса и реформаторскими предложениями. Вводилось обязательное и постоянное ведение журналов Комитета, в оригиналах, представлявшихся на «Высочайшее усмотрение». Только после утверждения императором тех или иных реформаторских проектов, Комитет должен был приступить к созданию законопроектов⁵¹.

Докладная записка В. П. Кочубея была возвращена автору с собственноручной запиской императора от 30 ноября 1826 г.⁵² В ней Николай I, в лаконичной форме обобщив основные идеи Сперанского и Кочубея, указал, в чем должен был состоять основной смысл деятельности Комитета: «1) В пересмотре и разборе бумаг, найденных в Кабинете покойного Государя Императора. 2) В пересмотре нынешняго государственнаго управления. 3) В изложении мнения: 1) *что предполагалось*, 2) *что есть*, 3) *что кончить оставалось бы*. 4) В изложении мысли, что *ныне хорошо*, чего *оставить нельзя* и чем *заменить*. 5) Как материалы к сему употребить: 1) *то, что найдено в Кабинете*, 2) *то, что Г. Балашову поручено было*, 3) *то, что сами Гг. Члены предложат*»⁵³.

Стратегической целью преобразовательного процесса Николай I определял усовершенствование государственного управления. Для этого «источниковой базой», если можно так выразиться, должны были послужить найденные в бумагах Александра I проекты, докладные записки А. Д. Балашова, а также подготовленные в ходе деятельности Комитета «мнения» его членов.

Высочайшим рескриптом на имя В. П. Кочубея 6 декабря 1826 г. Комитет был институционализирован. Помимо Кочубея, возглавившего Комитет, в его состав назначались члены Государственного совета — генерал-адъютант, управляющий Кабинетом ЕИВ кн. И. В. Васильчиков; действительный тайный советник кн. А. Н. Голицын; генерал от инфантерии гр. П. А. Толстой; генерал-адъютант, начальник Главного штаба ЕИВ бар. И. И. Дибич; начальник II Отделения СЕИВК тайный советник М. М. Сперанский. Делопроизводителями определялись статс-секретари Д. Н. Блудов и Д. В. Дашков, а с 1831 г. — М. А. Корф⁵⁴. Находившийся в непосредственном ведении Николая I и действовавший под его руководством первый секретный комитет должен был составить план подготовки и проведения самых насущных преобразований в административной системе империи. В вышеприведенной собственноручной записке Николая I подчеркивалось: «Успех, который опытом докажется, будет лучшая награда трудящимся, а мне утешение»⁵⁵. Согласно выработанной «технологии» работы Комитета, его заседания должны были проводиться постоянно, еженедельно. Для получения необходимых сведений Комитет имел право обращаться в различные министерства и СЕИВК. При этом император требовал еженедельного отчета В. П. Кочубея «об успехах дела, которое я почитаю *из важнейших моих занятий и обязанностей*»⁵⁶.

Первое заседание Комитета состоялось уже 8 декабря 1826 г., на котором был выработан «тактический план» его работы, находившийся в полном соответствии со взглядами монарха. План состоял в следующем: вначале рассмотреть «состояние», «пределы ведомства и власти» высших и центральных государственных учреждений — Государственного совета, Сената, Комитета министров и министерств. Для этого затребовать все официальные материалы о создании министерств в 1802 г., их преобразовании в 1811 г., а также — об основании Совета при Екатерине II, его реформировании при Александре I

в 1801 и 1810 гг. с ведомостью всех дел, которые рассматривались в нем с 1801 по 1824 г. Применительно к Сенату собрать все документы, хранившиеся в Государственной канцелярии и Министерстве юстиции. Затем перейти к обсуждению вопроса о состоянии губернских и уездных «правительственных и судебных мест». Прежде всего рассмотреть проекты о новом устройстве наместничеств, составленные А. Д. Балашовым и М. М. Сперанским. И только после всего вышеозначенного перейти к анализу проектов и записок, отложившихся в кабинете Александра I с разделением их на 5 групп («классов»): *первую*, в которой собрать все обобщающие проекты, касавшиеся преобразований «по всем частям государственного управления»; *вторую*, включающую проекты изменений по нескольким разным частям государственного управления; *третью*, заключающую проекты реформ только в одной какой-либо части (причем с подразделением на отдельные рубрики, касающиеся отдельно Комитета министров, Государственного совета, Сената и отдельно всех министерств); *четвертую*, в которой собрать проекты, касавшиеся положения, прав и обязанностей «всех состояний»; *пятую*, состоящую из проектов, которые не подходят ни под одну из групп⁵⁷.

На первом же заседании Комитета были рассмотрены — собственноручная записка Павла I «Об устройстве разных частей государственного управления»⁵⁸ и записка В. П. Кочубея «О положении Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, правительством составляющая»⁵⁹, написанная им в декабре 1814 г. На заседаниях 15 и 22 декабря 1826 г. продолжалось обсуждение записки Кочубея, и рассматривалась записка статс-секретаря М. А. Балугьянского⁶⁰. Причем 22 декабря Комитету были доставлены первые материалы из СЕИВК и Министерства юстиции.

На заседании 22 декабря были также приняты основные принципы («правила») преобразовательной политики Комитета, одобренные и утвержденные Николаем I. Дело в том, что члены Комитета уже на первых двух заседаниях при рассмотрении проектов преобразований высших государственных учреждений России столкнулись с необходимостью разрешить «коренной вопрос — нужны ли сии три установления (т.е. Государственный совет, Сенат и Комитет министров. — Т. А.) и нет ли каких-либо неудобств в настоящем их образовании». Одним из важнейших из них было признано смешение полномочий высших государственных учреждений империи. В силу этого основным «правилом» определялось четкое разделение законосовещательной, исполнительной и судебной частей. Комитет «принимал в рассуждение», что «Государь Самодержавный, будучи не только средоточием, а соединением всех властей в отношениях политическом и гражданском, не вверяет никому иному сей власти во всем пространстве ея <...> он употребляет отдельно удостоенныя доверенности Его места и лица или для совещаний при составлении новых и пересмотре прежде изданных узаконений, или для приведения в надлежащее исполнение начертанной в сих законах воли Его или для наблюдения за точностию

и правильностию сего постановления»⁶¹. Таким образом, при рассмотрении проектов преобразований государственного управления члены Комитета сразу ограничили свои реформаторские поиски концептуальной установкой на сохранение и утверждение в полном объеме самодержавных основ государственной власти.

Вопрос о Государственном совете рассматривался на заседаниях 28 декабря 1826 г., 4, 9 и 12 января, а также 7 и 11 декабря 1827 г. В итоге Комитет постановил, что круг действий Совета «должен быть ограничен» только его законосовещательными функциями, а также рассмотрением бюджета и ежегодных отчетов министров. Немного позже в собственноручной записке В. П. Кочубею сам Николай I подчеркивал, что Государственный совет является высшим учреждением империи, созданным «лишь для совещания о важнейших делах управления и законодательства»⁶². Комитет 6 декабря также полагал, что «заклучения» Совета не могли иметь законодательной силы «без Высочайшего утверждения». Как председатель Государственного совета, так и председатели его Общего собрания и департаментов не должны подтверждаться ежегодно в своем звании, а должны быть назначаемы императором. Это уничтожит «местничество» и даст возможность монарху во главе ведомств поставить «сановников опытных и способных»⁶³.

Сенат был предметом обсуждения на заседаниях 22 и 28 декабря 1826 г., 26 января, 4 и 9 февраля, 9 марта, 16 и 19 октября и 23 ноября 1827 г. Члены Комитета подчеркивали, что правительственная и судебная власть на данный момент не отделены друг от друга, полномочия высших государственных учреждений дублируются. Правительственные полномочия имеют 1-й Департамент и Общее собрание Сената, что «дает Сенату вид участия в управлении, коего он не должен и не может принимать». Кроме этого, внутривнутриполитические дела также рассматриваются в Государственном совете и Комитете министров, а судебные — и в Комитете министров, и в Сенате, и в Государственном совете, что приводит к «смешению ведомств». Поэтому Комитет предлагал сделать высшим судебным органом только Сенат и назвать его «Сенатом Судебным», а его правительственные функции, входящие в круг действия 1-го Департамента и Общего Собрания, вверить «особенному Правительствующему Сенату», который должен состоять из министров и «главноначальствующих разными частями управления», а также назначаемых самим императором лиц, которые будут названы «общим именем сенаторов». Он должен был стать «высшим правительственным местом», которое под непосредственным «ведомством и руководством» самодержца «может выгоднейшим для государства образом исполнять обязанности, ныне разделенные между Сенатом и Комитетом министров». При сохранении «освященного временем названия, Правительствующий Сенат, не участвуя никаким образом в суде и отстранив Судебный Сенат от всякого участия в управлении», будет соответствовать современной модели государственности. Важнейшими

его функциями определялись также — предварительное обсуждение всех предложений министров и членов советов при них, а также других сановников империи, которые позже предоставлялись бы на усмотрение Николая I, а также обнародование законов и их «охранение»⁶⁴.

Комитет признавал возможным сохранение министерской системы, которую следовало «подробно рассмотреть», установить четкую официальную регламентацию круга обязанностей и полномочий министров. Тогда как Комитет министров «по существу своему и первоначальному назначению, долженствует быть просто собранием министров для совещания о некоторых общих вопросах». Министры не должны были иметь права «ни дополнять, ни объяснять» фундаментальные законы, а только «дозволять себе объяснения и дополнения в сфере полномочий, форм и порядка действий учреждений и мест». Комитет подчеркивал, что теперь «нельзя будет опасаться, чтобы какой-либо министр решился выступить из предначертанных ему пределов». При этом важнейшие дела, требующие «Высочайшего разрешения» или «общих соображений», должны передаваться на рассмотрение Правительствующего Сената. Кроме этого, Комитет определял следующие принципы деятельности министров и «главноначальствующих» ведомствами: они не имели права участвовать в судебной сфере; их ежегодные отчеты, сметы о доходах и расходах, а также предложения должны вначале обсуждаться в Правительствующем Сенате и только потом поступать на рассмотрение Государственного совета⁶⁵.

Главные идеи Комитета заключались в необходимости четкого разделения законосовещательной, исполнительной и судебной частей в рамках единой, исходящей от самодержавного монарха, государственной власти. На заседании 28 декабря 1826 г. было постановлено, что по «правилам», принятым за основание 22 декабря, «предполагается отделить совершенно часть законосовещательную от части судебной». В силу этого члены Государственного совета не могут принимать участия в заседаниях Судебного Сената, а сенаторы — в Совете. Министры же могут присутствовать на заседаниях Государственного совета, давая разъяснения по своим ведомствам⁶⁶. Николай I в тот же день одобрил и утвердил предложенные Комитетом принципы («правила») преобразовательной политики. При представлении В. П. Кочубеем журнала заседания от этого числа император подчеркнул, что он «признает пользу разделения части судебной от той, которая относится к законодательству»⁶⁷.

Положение о создании Правительствующего Сената, как представляется, было обусловлено стремлением Николая I и членов Комитета ограничить «самовластие» министров и сконцентрировать все правительственные функции в одном органе под непосредственным ведомством и руководством монарха. Император полагал, что «Комитет министров, или по новому предположению Правительствующий Сенат, заниматься должен точным исполнением представленного ему, или повеленного изданными постановлениями», а не суждением «о мерах исполнения законов и учреждений»⁶⁸.

Выполнив первую часть «тактического плана» своей деятельности относительно высших и центральных государственных учреждений, Комитет приступил к реализации его второй части, т.е. рассмотрению всеподданнейших преобразовательных записок государственных деятелей (А. Р. Воронцова, Н. С. Мордвинова, А. А. Аракчеева, Д. И. Лобанова-Ростовского и др.) и проектов неизвестных авторов, оставшихся в кабинете Александра I⁶⁹. При этом вначале сам В. П. Кочубей просматривал записки, отделяя частные и примитивные от обобщающих и концептуальных, которые становились предметом обсуждения на заседаниях Комитета⁷⁰. Уже 12 января 1827 г., на основании сделанного Николаем I замечания, единогласно было принято решение о создании внутри Комитета «особого отделения» из нескольких его членов, имевших «более свободного времени <...> для чтения разных записок и проектов». В него вошли кроме самого Кочубея И. В. Васильчиков и П. А. Толстой, которые должны были сообщать Комитету свои заключения о том, какие проблемы, затронутые в проектах, могут стать предметом рассмотрения⁷¹.

С 19 января по 24 апреля 1827 г. заседания Комитета были полностью посвящены обсуждению «главных частей государственного управления» для создания законопроектов о Государственном совете, Правительствующем и Судебном Сенатах⁷². В этой связи на заседании 27 марта 1827 г. был зачитан «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии Государства», составленный делопроизводителем Следственной комиссии по делу декабристов А. Д. Боровковым и основанный на всеподданнейших письмах и записках-«мнениях» Г. С. Батенькова, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского, А. А. Бестужева, В. И. Штейнгейля, А. И. Якубовича⁷³. Комитет постановил, что в «Своде» «содержатся многие истины, на кои правительство отчасти обратило уже внимание, но существующее, действительно, зло весьма увеличено, чего и ожидать надлежало от людей, желавших прикрыть свой умысел благовидным предлогом. Комитет положил извлечь из сих сведений возможную пользу при будущих трудах своих⁷⁴. На этом же заседании было начато и позже продолжено рассмотрение записки «Об устройстве верховных правительств в России» Д. А. Гурьева, относящейся к 1816 г., когда он был министром финансов⁷⁵.

До апреля 1830 г. Комитет подготовил несколько важнейших законопроектов, которые не были реализованы. Прежде всего речь идет о «Проекте учреждения Государственного Совета», составленном на основании вышеуказанных «правил», предложенных на заседании 22 декабря 1826 г. и одобренных Николаем I, а также на базе «суждений», изложенных в журналах заседаний 28 декабря 1826 г., 4, 9 и 12 января, а также 7 и 11 декабря 1827 г. Были подготовлены также «Проект учреждения Правительствующего Сената» и «Проект учреждения Судебного Сената»⁷⁶. В их основу был положен проект Правительствующего и Судебного Сенатов, составленный Сперанским в 1811 г. и рассматривавшийся на Общем собрании Государственного совета 17, 24, 31 июля и 7 августа того же года. Хотя большинство членов Совета проект одобрило и Александр I

согласился с мнением большинства, он не был утвержден императором и потому не получил дальнейшего движения⁷⁷. Кроме проекта Сперанского 1811 г., указанные законопроекты, составленные делопроизводителями Комитета 6 декабря Д. Н. Блудовым и Д. В. Дашковым, основывались на решениях от 26 января, 4 и 9 февраля, 9 марта, 16 и 19 октября и 23 ноября 1827 г.⁷⁸

Что касается частных предложений Комитета, то они получили законодательное оформление уже после окончания его работы — о почетном (потомственном и личном) гражданстве для представителей буржуазии, разночинной интеллигенции и детей дворян; учреждении Комиссии прошений и отделении ее от Государственного совета; порядке приобретения дворянства службою, дававшей потомственное и личное дворянство⁷⁹. Как видно, наибольшая активность деятельности Комитета 6 декабря 1826 года, направленная на усовершенствование государственного управления, приходится на 1826–1827 гг., в течение которых состоялось 79 заседаний⁸⁰. После 1830 г. он стал собираться редко, а в марте 1832 г. закончил свою деятельность, хотя формально не был закрыт.

Выводы

1. В целом историю реформ в государственном управлении России конца XVIII — первой половины XIX в. следует рассматривать как единый, целостный процесс, направленный на укрепление российской государственности и отражавший поступательный характер ее развития.

2. Николаевская модель преобразовательной политики в административной сфере, являя собой логическое продолжение официального реформаторства второй половины XVIII — первой четверти XIX в., имела с ним как схожие, так и отличительные черты: а) в основе правительственных поисков усовершенствования государственного управления в начале царствования Николая I лежали определенные элементы реформаторской программы; б) преобразования, как в царствования Екатерины II и Александра I, носили системный и взаимосвязанный характер; в) реформирование государственного управления, как и в предыдущие эпохи, являлось составной частью процесса модернизации и было тесно связано с законодательной реформой; г) важнейшей задачей преобразований определялась централизация управления, инструментарием решения которой при Николае I было соединение личного начала и управления посредством учреждений; д) николаевский тип абсолютизма отличался от предшествующих моделей; это выражалось в стремлении Николая I согласовать традиционалистские и западнические начала русской жизни и стабилизировать государственную систему абсолютной монархии путем усиления единства идеологии и практики официального консерватизма.

- ¹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 709–759.
- ² Записка надворного советника Иванова «О внутреннем управлении Российской империи». 13 апреля 1826 г. // РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–30; Размышления неизвестного о государственном управлении вообще. 1826 г. // Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–30; Рассуждения неизвестного об основаниях системы правления в России. 1826 г. // Там же. Д. 53. Л. 2–20; Выписка из мнения неизвестного «О разных предметах управления в России (Государственный совет, Государственная Канцелярия, Комитет министров, Министерства, Сенат, губернские учреждения)» // Там же. Д. 64. Л. 1–10; Записка 1827 г. неизвестного о современном состоянии России // Там же. Д. 133. Л. 2 об. — 20; Письмо коллежского советника [Н. И.] Демидова императору Николаю I. 10 февраля 1826 г. // Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 612–614. Приложения.
- ³ Петербургское общество при взошедшии на престол императора Николая I: По донесениям М. Я. Фока А. Х. Бенкендорфу. Июль–сентябрь 1826 г. // Русская старина. 1881. Т. 32. Сентябрь. № 9. С. 185.
- ⁴ Толки и настроения умов в Санкт-Петербурге в 1826 г. // Там же. Ноябрь. № 11. С. 541–543.
- ⁵ Записка неизвестного лица «О преимуществах законной самодержавной власти». Позднее 1825 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 416. Л. 2.
- ⁶ Толки и настроения умов в Санкт-Петербурге в 1826 г. С. 548–549.
- ⁷ Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11). С. 19–60.
- ⁸ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 385.
- ⁹ Майков П. М. Второе отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. СПб., 1906. С. 81; Андреева М. В. У истоков кодификационных работ М. М. Сперанского // Правоведение. 1983. № 1; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 364–372; Севастьянов Ф. Л. Попытки реформы законодательства и борьба вокруг нее в царствование Александра I // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса. СПб., 2012. С. 133–139; Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2015. С. 245–274.
- ¹⁰ Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 3–6, 19–22, 55–58, 75–77, 80–81; Кутузов Н. И. О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали; отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007. С. 79–106.
- ¹¹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX. С. 530–598.
- ¹² Там же. С. 598–653.
- ¹³ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 480–524; Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. С. 27–31.
- ¹⁴ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 248.
- ¹⁵ Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 48–52.
- ¹⁶ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 266–282, 313–332, 372–382, 386.
- ¹⁷ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 50, 447, 602, 635.

- ¹⁸ Об А. Х. Бенкендорфе см.: *Бибииков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; *Севастьянов Ф. Л.* Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016. С. 293–311.
- ¹⁹ *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 104–108.
- ²⁰ Журнал № 3. Заседание 22 декабря 1826 г. // Сборник РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 11.
- ²¹ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. III.
- ²² *Лушин М. С.* Общественное движение в России в нынешнее царствование. 1840 г. // Лушин М. С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 137.
- ²³ *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 533–597.
- ²⁴ Записка неизвестного лица «О преимуществах законной самодержавной власти». Л. 2 – 3 об.; Размышления неизвестного о государственном управлении вообще. 1826 г. Л. 1–30; Рассуждения неизвестного об основаниях системы правления в России. 1826 г. Л. 2–20; Выписка из мнения неизвестного «О разных предметах управления в России...». Л. 1–10; Записка 1827 г. неизвестного о современном состоянии России. Л. 2 об. – 20; Записка неизвестного о внутреннем управлении. 1827 г. // РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 134. Л. 1 – 3 об.
- ²⁵ *Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 357–363; *Смирнова А. А.* Второе Отделение Собственной ЕИВ Канцелярии: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 1–24.
- ²⁶ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 190–193.
- ²⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. С. 47, 80.
- ²⁸ *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 61, 69, 82.
- ²⁹ *Сперанский М. М.* Рассуждения о духе и зрелости политической реформы в России. (Беседа М. М. Сперанского с Александром I). Пер. с фр. // ОР РНБ. Ф. 637. Д. 745. Л. 1.
- ³⁰ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. III–X.
- ³¹ *Севастьянов Ф. Л.* Попытки реформы законодательства и борьба вокруг нее в царствование Александра I. С. 138.
- ³² История государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Под ред. Н. А. Крашенинковой и О. А. Жидкова. М., 1991. Т. 2. С. 122–156.
- ³³ Указ от 24 мая 1835 г. «Об отношении между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими в оные по найму» // ПСЗ-II. Т. X. Отд. 1. № 8157. С. 447–448; Указ от 7 августа 1845 г. «О запрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» // Там же. Т. XX. Ч. 1. № 19262. С. 591.
- ³⁴ *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. С. 257–263, 309–320.
- ³⁵ Проект гр. А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции. 1826 г. // Русская старина. 1900. Т. 104. № 12. С. 615–616.
- ³⁶ *Ольшанский М.* Происхождение жандармов // История спецслужб в России. М., 1908. С. 358–365; *Троцкий И.* III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 154–158; *Чернов С. Н.* Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма / Сост. и вступ. ст. Т. В. Андреевой; коммент. Т. В. Андреева и В. С. Парсамова. СПб., 2004. С. 158–159, 162.
- ³⁷ Восстание декабристов. Материалы. «Русская Правда». Т. VII М., 1958. С. 112; Декабристы. Биографический справочник / Изд. под. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 258. *Чернов С. Н.* Поиски «Русской Правды» П. И. Пестеля (Материалы к истории следствия по делу декабристов в 1825–1826 гг.) // Чернов С. Н. Павел Пестель. С. 182–241.
- ³⁸ Проект гр. А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции. 1826 г. С. 616.
- ³⁹ См. об этом: *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. Саратов, 2001. С. 144–220.
- ⁴⁰ Восстание декабристов. Т. VII. С. 126.
- ⁴¹ Проект гр. А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции. 1826 г. С. 616.

- ⁴² Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 17.
- ⁴³ Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов: Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 153.
- ⁴⁴ Цит. по: Русская старина. 1881. Т. 37. С. 548.
- ⁴⁵ Ежегодные отчеты III Отделения и Корпуса жандармов. С. 139.
- ⁴⁶ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая I. С. 187.
- ⁴⁷ *Корф М. А.* Записки. М., 2000. С. 546–547.
- ⁴⁸ *Ефимов А. А.* Роль Министерства Императорского двора в формировании облика Санкт-Петербурга: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 1–24; *Выскочков Л. В.* Будни и праздники Императорского Двора. СПб., 2012. С. 30–34.
- ⁴⁹ *Сперацкий М. М.* Записка о Комитете 6-го декабря 1826 года // Деятельный век. Исторический сборник. М., 1872. Кн. 2. С. 158.
- ⁵⁰ Докладная записка Графа Кочубея о предметах занятий Комитета // Сборник РИО. Т. 74. С. XIX. О В. П. Кочубее см.: *Николаенко П. Д.* Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009.
- ⁵¹ Докладная записка Графа Кочубея о предметах занятий Комитета // Сборник РИО. Т. 74. С. XVII–XX.
- ⁵² Дата ее написания Николаем I находит подтверждение в том, что на оригинале докладной записки В. П. Кочубея его рукой написано: «Возвращено Его Императорским Величеством при особой собственноручной записке. Ноября 30. 1826 г.» // Там же. С. XVII.
- ⁵³ Собственноручная записка Императора Николая Павловича о занятиях Комитета // Там же. С. XVI.
- ⁵⁴ Высочайший рескрипт на имя графа Кочубея об учреждении Комитета // Там же. С. XV.
- ⁵⁵ Собственноручная записка Императора Николая Павловича о занятиях Комитета. С. XVI.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Журнал № 1. Заседание 8 декабря 1826 г. // Там же. С. 1–5. Это разделение нашло отражение в структуре Сборника РИО, включавшего «Бумаги Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года». В нем есть три раздела с подразделениями. «Отдел Первый»: «Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, касающиеся преобразования высшего государственного управления» делится на несколько рубрик: 1-я «Проекты, относящиеся до преобразования всех высших правительственных мест в совокупности»; 2-я, в которую вошли «Проекты, касающиеся учреждения Государственного Совета», 3-я «Проекты о Комитете Министров», 4-я и 5-я с проектами учреждения Правительствующего и Судебного Сената; «Отдел Второй»: «Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, относящиеся до преобразования губернского управления»; «Отдел Третий»: «Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, касающиеся дополнительного закона о состояниях». См.: Сборник РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. III–V.
- ⁵⁸ Там же. С. 1–4.
- ⁵⁹ Там же. С. 5–26.
- ⁶⁰ Рассуждение неизвестного (Статс-Секретаря М. А. Балугьянского) о средствах исправления учреждений и законодательства в России // Там же. С. 27–38.
- ⁶¹ Журнал № 3. Заседание 22 декабря 1826 г. // Сборник РИО. Т. 74. С. 7.
- ⁶² Записка Николая I председателю Государственного совета В. П. Кочубею 5 декабря 1831 г. Автограф чернилами // РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 62. Л. 350–352.
- ⁶³ Журнал № 3. Заседание 22 декабря 1826 г.; Журнал № 5. Заседание 28 декабря 1826 г.; Журнал № 8. Заседание 4 января 1827 г.; Журнал № 11. Заседание 12 января 1827 г.; Журнал № 66. Заседание 7 декабря 1827 г.; Журнал № 67. Заседание 11 декабря 1827 г. // Сборник РИО. Т. 74. С. 6–12, 13–18, 21–30, 32–39, 212–216.
- ⁶⁴ Журнал № 3. Заседание 22 декабря 1826 г.; Журнал № 5. Заседание 28 декабря 1826 г.; Журнал № 15. Заседание 26 января 1827 г.; Журнал № 18. Заседание 4 февраля 1827 г.;

- Журнал № 20. Заседание 9 февраля 1827 г.; Журнал № 26. Заседание 9 марта 1827 г.; Журнал № 56. Заседание 16 октября 1827 г.; Журнал № 57. Заседание 19 октября 1827 г.; Журнал № 63. Заседание 23 ноября 1827 г. // Там же. С. 6–12, 13–18, 46–53, 57–60, 61–67, 84–89, 186–188, 188–190, 204–207.
- ⁶⁵ Журнал № 5. Заседание 28 декабря 1826 г. С. 15; Журнал № 8. Заседание 4 января 1827 г. // Там же. С. 15, 26–27.
- ⁶⁶ Журнал № 5. Заседание 28 декабря 1826 г. // Там же. С. 15.
- ⁶⁷ Журнал № 8. Заседание 4 января 1827 г. // Там же. С. 22.
- ⁶⁸ Журнал № 11. Заседание 12 января 1827 г. // Там же. С. 32.
- ⁶⁹ Бумаги, найденные в Кабинете покойного императора Александра I. 1826–1827 гг. // РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 80. Л. 2 — 16 об.
- ⁷⁰ Записки, касавшиеся частных вопросов, с Высочайшего соизволения препровождались в надлежащие ведомства — министерства финансов или внутренних дел.
- ⁷¹ Журнал № 11. Заседание 12 января 1827 г. // Сборник РИО. Т. 74. С. 39.
- ⁷² Там же. С. 40–132.
- ⁷³ Хранится в РГИА: Ф. 1167. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–12. Опубликовано не полностью: Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. Т. 96. № 11. С. 353–362.
- ⁷⁴ Журнал № 29. Заседание 27 марта 1827 г. // Сборник РИО. Т. 74. С. 94.
- ⁷⁵ Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России // Сборник РИО. Т. 90. С. 39–106.
- ⁷⁶ Проект учреждения Государственного Совета, составленный в Комитете 6 декабря 1826 года // Там же. С. 109–118; Проект учреждения Правительствующего Сената, составленный в Комитете 6 декабря 1826 года // Там же. С. 125–145; Проект учреждения Судебного Сената, составленный в Комитете 6 декабря 1826 года // Там же. С. 147–175.
- ⁷⁷ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 120–131; Сборник РИО. Т. 74. С. 50.
- ⁷⁸ Сборник РИО. Т. 90. С. 125.
- ⁷⁹ Манифесты от 10 апреля 1832 г., 18 января 1835 г., 11 июня 1845 г. // ПСЗ II. Т. VII. № 5284; Т. X. № 7771; Т. XX. № 19086.
- ⁸⁰ Журналы Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник РИО. Т. 74. С. 1–226.

References

ANDREEVA T. V. *Tajnye obščestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaâ politika i obščestvennoe mnenie*. [Andreeva T. V. Secret societies in Russia in the first third of the XIX century: government policy and public opinion. In Russ.]. St Petersburg, 2009.

ANDREEVA T. V. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vo vtoroj polovine XVIII — pervoj četverti XIX v.: k probleme preemstvennosti i različiya v pravitel'stvennoy preobrazovatel'noy politike* [Andreeva T. V. State control of Russia in second half XVIII — first half of XIX century: the problem of continuity and differences in transformational government policy. In Russ.] // *Peterburgskiy istoricheskiy žurnal*. 2016. № 3 (11). S. 19–60.

BIBIKOV G. N. A. X. *Benkendorf i politika imperatora Nikolaâ I*. [Bibikov G. N. A. H. Benkendorf and the politics of Emperor Nicholas I.] Moscow, 2009.

Bumagi Komiteta uchreždennogo Vysochaishim reskriptom 6 dekabrâ 1826 goda [Paper of the Committee established by the Supreme rescript 6 Dec 1826. In Russ.] // *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obščestva*. Т. 90. SPb., 1894. S. 1–211.

Ežegodnye otčety III Otdeleniâ i Korpusa žandarmov: Graf A. Kh. Benkendorf o Rossii v 1827–1830 gg. [Annual report of the division III and of the gendarmerie: the Count A. H. Benkendorf about Russia in 1827–1830. In Russ.] // *Krasnyj arhiv*. 1929. Т. 6 (37). S. 139–174.

KORF M. A. *Zapiski*. [Korf M. A. Notes]. Moscow, 2000.

NIKOLAENKO P. D. *Knyaz' V. P. Kochubey — pervyj ministr vnutrennih del Rossii*. [Nikolaenko P. D. Prince V. P. Kochubey, the first Minister of internal Affairs of Russia. In Russ.]. St Petersburg, 2009.

Nikolai I: lichnost' i époxa. Novye materialy [Nicholas I: Personality and time. New materials. In Russ.] / Otv. red. A. N. Camutali, otv. sost. T. V. Andreeva. SPb, 2007.

Peterburgskoe obšestvo pri vosshestvii na prestol imperatora Nikolaâ I: po doneseniyam M. Y. Foka A. Kh. Benkendorfu [Petersburg society as he ascended to the throne of Emperor Nicholas I: According to the reports of M. J. Fock, A. H. Benkendorf. July–September 1826. In Russ.] // Russkayâ starina. 1881. T. 32. N 9. S. 163–194.

PISAR'KOVA L. F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj četverti XIX v.: Zamysly, proekty, voplošenie. 1-e izd.* [Pisar'kova L. F. Public administration of Russia in the first quarter of the XIX century: concepts, projects, realization. In Russ.]. Moscow, 2012.

RUŽICKAYÂ I. V. *Zakonodatel'nayâ deytel'nost' v carstvovanie imperatora Nikolaâ I.* [Ruzhitskaya I. V. Legislative activity during the reign of Emperor Nicholas I. In Russ.]. Moscow, 2015.

Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. [The collection of laws of the Russian Empire. In Russ.]. T. I. M., 1832.

SPERANSKIY M. M. *Obozrenie istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov.* [Speranskiy M. M. Review of historical information on the collection of laws. In Russ.]. St Petersburg, 1833.

TROICKIY I. *III Otdelenie pri Nikolae I.* [Trotsky I. III-e office under Nicholas I. In Russ.]. Leningrad, 1990.

Upravlencheskayâ élita Rossiyskoy Imperii. Istorîâ ministerstv. 1802–1917. [The managerial elite of the Russian Empire. The story of the ministries. 1802–1917. In Russ.]. St Petersburg, 2008.

SEVAST'YANOV F. L. *Gosudarstvennaya bezopasnost' est' predmet uvazhitel'nykh Politicheskii rozysk i kontrol' v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I.* [The State security is the subject of respectful: Political investigation and control in Russia, from Paul I to Nicholas I. In Russ.]. St Petersburg, 2016.

SHEPELEV L. E. *Apparat vlasti v Rossi. Epoha Alexandra I i Nikolaya I.* [Shepelev L. E. Power Apparatus in Russia. The epoch of Alexander I and Nicholas I. In Russ.]. St Petersburg, 2007.

SHILOV D. N. *Gosudarstvennyye deâteli Rossiyskoy Imperii. Glavy vysshikh i central'nykh uchreždeniy. 1802–1917. Biobibliyograficheskij spravochnik.* [Shilov D. N. Statesmen of the Russian Empire. The heads of the higher and Central institutions. 1802–1917. The bibliographic reference. In Russ.]. St Petersburg, 2001.

SHIL'DER N. K. *Imperator Nikolaj I: Ego žizn' i carstvovanie.* [Schilder N. K. The Emperor Nicholas The First. His life and reign. In Russ.]. V 2 t. St Petersburg, 1903.

VYSKOCHKOV L. V. *Imperator Nikolaj I: chelovek i gosudar'.* [Vyskochkov L. V. Emperor Nicholas I: the man and the Emperor. In Russ.]. St Petersburg, 2001.

VYSKOCHKOV L. V. *Budni i prazdniki Imperatorskogo Dvora.* [Vyskochkov L. V. Weekdays and holidays of the Imperial court. In Russ.]. St Petersburg, 2012.

Žurnaly Komiteta uchreždenogo Vysochaishim reskriptom 6 dekabrâ 1826 goda [The journals of the Committee established by the Supreme rescript 6 Dec 1826. In Russ.] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obšestva. T. 74. St Petersburg, 1891. S. 1–487.

Список литературы

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.: к проблеме преэместственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11). С. 19–60.

Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

Высочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.

Высочков Л. В. Будни и праздники Императорского Двора. СПб., 2012.

Бумаги Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 1–211.

Журналы Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 74. СПб., 1891. С. 1–487.

Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов: Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 139–174.

Корф М. А. Записки. М., 2000.

Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали; отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007.

Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009.

Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая I: По донесениям М. Я. Фока А. Х. Бенкендорфу. Июль—сентябрь 1826 г. // Русская старина. 1881. Т. 32, № 9. С. 163–194.
Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. 1-е изд. М., 2012.

Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2015.

Свод законов Российской империи. Т. I. СПб., 1832.

Севастьянов Ф. Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016.

Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833.

Троцкий И. III-е отделение при Николае I. Л., 1990.

Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008.

Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903.

Т. В. Андреева. Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике

Статья посвящена анализу преобразований и правительственных реформаторских поисков в сфере государственного управления в 1826 — начале 1830-х гг., выявлению преемственных и отличительных черт в преобразовательной политике первого периода правления Николая I. Особое внимание уделено определению причин актуализации реформ в системе высшего и центрального аппарата власти в России, изучению специфики формирующейся николаевской «административной конструкции». В целом официальное реформаторство в административной сфере носило последовательный и взаимосвязанный характер и являлось составной частью процесса модернизации российской государственности. Преобразование управления было тесно связано с новой моделью взаимоотношений верховной власти и дворянского общества.

Ключевые слова: Россия, Николай I, государственное управление, модернизация, власть, общество, реформы, управленческая элита.

T. V. Andreeva. State control of Russia in the beginning of the reign of Nicholas I: the problem of continuity and differences in transformational government policy

This article analyzes the transformation and reform of governmental searches in the field of public administration in 1826 — early 1830s, the identification of sustainable and distinctive features in the transformative politics of the first period of the reign of Nicholas I. The focus is on determining the cause of the actualization of the reform of higher and central apparatus of power in Russia after the events of 14 December 1825, the study of specificity of emerging «administrative structures». Official reformism in the administrative sphere, based on the transformative elements of the program, was of consecutive and interrelated nature and was an integral part of the process of modernization of the Russian statehood. The transformation of government system was closely linked to the new model of interrelations between the Supreme power and nobility.

Key words: Russia, Nicholas I, public administration, power, society, reform, the managerial elite.

Андреева, Татьяна Васильевна — д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Andreeva, Tatiana Vasilievna — Dr. of Sciences (History), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History, major scientist.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru